

УДК 378.4(470):[372.8+94]+378.12+929Фрязинов+929Савин

**ИСТОРИК И ПЕДАГОГ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ФРЯЗИНОВ (1891–1971)**

И. Г. Воробьева,

Тверской государственной университет,
кафедра всеобщей истории, г. Тверь

А. А. Кузнецов,

Нижегородский государственный педагогический университет,
кафедра истории России, г. Нижний Новгород

В статье рассмотрен историографический контекст биографии историка С. В. Фрязинова. Основными источниками стали материалы архивов Твери и Нижнего Новгорода, воспоминания, письма С. В. Фрязинова. Показано научное формирование Фрязинова в Московском университете, прослежены основные направления его научной деятельности. Представлены сведения о преподавательской деятельности С. В. Фрязинова в Костроме, Калинин (Тверь) и Горьком (Нижнем Новгороде), показано его участие в рецензировании первых вузовских учебников.

Ключевые слова: С. В. Фрязинов, Московский университет, А. Н. Савин, Калинин (Тверь), Горький (Нижний Новгород), Французская революция, история средневековой Испании, преподавание всеобщей истории.

На фотографиях выпускников истфака Калининского педагогического института 1935 и 1938 гг. в числе преподавателей можно увидеть колоритный мужской портрет с подписью «С. В. Фрязинов». Графический портрет С. В. Фрязинова в преклонных годах висит в мемориальной аудитории исторического факультета Нижегородского госуниверситета. Об этом человеке и его месте в советской исторической науке пойдёт речь в настоящей статье, подготовленной на основе наших многолетних разысканий и являющейся первой научной биографией учёного¹.

Наша работа – дань уважения и признательности нашему коллеге Сергею Васильевичу Фрязинову к его 120-летию и попытка понять эволюцию мировоззренческих, методологических, исследовательских практик и установок интеллектуала, воспитанного дореволюционной университет-

¹ В опубликованном некрологе сообщалось только о последних годах жизни историка. См.: Пичугина И. С. С. В. Фрязинов – видный советский исследователь средневековой Испании (1893–1971) // Проблемы испанской истории. М., 1975. С. 250–251.

ской корпорацией и проведшего всю последующую жизнь в советских научных сообществах.

Объёмное личное дело С. В. Фрязинова в составе фонда Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина, документы нижегородских архивов², устные сообщения лично знавших его людей, а главное, его труды дали нам возможность составить биографию историка, что дополняет представления о науке и обществе советской эпохи.

Сергей Васильевич Фрязинов, заполняя Личный листок по учёту кадров 14 февраля 1933 г., записал о себе: «Родился в Костроме 25 сентября по старому стилю 1891 г.; народность – великорус; социальное происхождение (следовало указывать бывшее сословие или звание. – *И. В., А. К.*) – сын статского советника; основное занятие родителей: отец преподаватель (умер), мать – домашняя хозяйка (на моём иждивении), социальное происхождение – служащий; беспартийный»³.

Более ранние документы свидетельствуют, что его отец, Василий Гаврилович Фрязинов (18.06.1859 – 29.04.1922), служил в духовной семинарии Костромы как помощник инспектора и преподаватель богословия⁴. Мать – Мария Петровна, урождённая Попова – дочь инспектора Костромской семинарии, в доме которого на улице Пятницкой и жила семья Фрязиновых, имевшая несколько детей.

Сергей учился в мужской гимназии⁵ и прославился в городе тем, что не получал иных оценок, кроме отличных. Гимназист Фрязинов обладал уникальной памятью, чем восхищались впоследствии его коллеги-педагоги. Так, в рекомендательном письме профессора Е. М. Чепурковского, заведующего учебной частью Костромского пединститута, от 17 августа 1923 г. сказано: «Считаю долгом засвидетельствовать, что Сергей Васильевич Фрязинов весьма талантливый преподаватель, обладающий громадной памятью, что позволяло ему с выдающимся успехом нести обязанности секретаря Правления и Факультета; ему всегда были вполне известны дела всех студентов, все законы и циркуляры по учебной части, и на нём лежала вся тяжесть канцелярской работы Правления, что я как член его и свидетельствую».

Окончив гимназию с золотой медалью, в 1909–1913 гг. С. В. Фрязинов продолжил учёбу в Московском университете на историко-

² См. одну из последних работ: *Григорьева Е. А.* Новые источники по биографии С. В. Фрязинова // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII международной научной конференции.* М., 2010. С. 184–186.

³ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 17. Указанная дата рождения (1893 г.) в некрологе и в ряде нижегородских статей, упоминавших С. В. Фрязинова, ошибочна.

⁴ Биографические сведения о семье Фрязиновых нам сообщил костромской библиограф П. П. Резепин, за что авторы статьи выражают ему искреннюю благодарность.

⁵ *Резепин П. П.* Замечательные выпускники Костромской губернской гимназии // *Костромская старина: историко-краеведческий журнал.* Кострома, 2006. № 19.

филологическом факультете. В копии диплома⁶ указано, что все испытания он выдержал весьма удовлетворительно, т. е. по нынешней шкале оценок диплом можно назвать «красным».

С. В. Фрязинов получил в университете хорошую подготовку. В 1909–1910 акад. году он прослушал читавшийся А. Н. Савиным курс, посвящённый историографии Великой французской революции. Эти лекции произвели на него сильное впечатление, их конспекты он хранил до конца жизни, и сейчас с ними можно познакомиться в архиве Музея Нижегородского государственного университета.

В 1911 г. профессор А. Н. Савин предложил студентам на соискание медалей тему «Тэн как историк и социолог», тесно связанную с происшедшей незадолго до того полемикой между французским историком Альфонсом Оларом и его школой, с одной стороны, и защитниками Ипполита Тэна, с другой⁷. Фрязинов принял участие в конкурсе, и его работа на основании отзыва А. Н. Савина была удостоена факультетом золотой медали⁸.

Тему Французской революции Фрязинов не забросил и после окончания университета. Многие годы он изучал мировоззрение талантливейшего и плодовитого философа и литературоведа И. Тэна, писал о нём книгу, мечтал защитить диссертацию, о чём мы обстоятельней расскажем далее.

Почему студента Фрязинова заинтересовала всеобщая история, нам неизвестно. Возможно, по причине хороших знаний иностранных языков он включился в разбор оживлённой полемики во французской литературе начала XX в. В многочисленных анкетах он сообщал, что свободно владеет французским языком, с итальянского и английского переводит без словаря, читает и может объясняться по-немецки. В 1940-е гг. Фрязинов изучил испанский язык.

Выпускная работа студента Фрязинова, как было сказано, выполнялась под руководством Александра Николаевича Савина – профессора с мировым именем. Он и рекомендовал Фрязинова для подготовки к профессорскому званию. В советское время поствузовское образование стали называть аспирантурой, поэтому Фрязинов постоянно сообщал в своих документах: «... представлен был профессором А. Н. Савиным к аспирантуре по истории Запада, оставленным при университете состоял в течение трёх лет в 1914–1917 гг.»⁹ Как видим, он не отказывался от принадлежности к старой университетской корпорации. Более того, на протяжении жизни Фрязинов поддерживал интеллектуальное общение с выпускниками Московского университета: для чтения лекций он приглашал в Тверь

⁶ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 19.

⁷ См.: *Герье В. И.* Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. № 5.

⁸ Самооценка студенческой работы имеется в машинописной копии варианта диссертации «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (118 листов), хранящейся в не разобранном пока личном фонде историка в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 21.

В. М. Лавровского, поступившего в Московский университет годом позже героя статьи; в Нижнем Новгороде (Горьком) общался с С. И. Архангельским и Н. И. Приваловой; в 1950–1960-е гг. переписывался с профессором Горьковского университета (ГГУ) В. Т. Илларионовым¹⁰; во время работы в ГГУ он познакомился и с профессором Н. П. Соколовым¹¹.

Нам неизвестно, сдал ли Фрязинов магистерские экзамены, что полагалось выполнить за годы учебы¹². Но его аспирантура пришлось на время войн и революций, ломки старой университетской системы образования, отмены учёных степеней и званий и, вероятно, потому не завершилась защитой магистерской диссертации.

Спасаясь от голода, молодой человек в 1919 г. вернулся к родителям в Кострому, найдя здесь преподавательскую работу. Педагогический стаж Фрязинова начался ещё до революции, с 1914 г. он преподавал в московских гимназиях¹³. В Костроме на волне революционно-преобразовательного энтузиазма открылся Рабоче-крестьянский университет. С декабря 1919 г. Фрязинов читал в нём лекции по средневековой и новой истории Запада. Любопытно, что и его отец, бывший преподаватель семинарии, состоял в этом университете научным сотрудником кафедры обществоведения¹⁴. Одновременно С. В. Фрязинов преподавал историю на рабочем факультете и в средней школе. Отвечая на вопрос анкеты об участии в выборных (партийных, советских и профсоюзных органах), Фрязинов написал: «Советская школа 2 ст. в Костроме. Член исполнительской коллегии школы, секретарь, библиотекарь 1918–1919. Костромской университет и пединститут. Зам. секретаря ф-та, секретарь ф-та, секретарь

¹⁰ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313; Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390; Оп. 3. Д. 209; Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. О С. И. Архангельском см.: *Кузнецов А. А.* С. И. Архангельский (1882–1952). Вехи научного пути // *Пирени А.* Средневековые города и возрождение торговли / пер. с англ. С. И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009. С. 146–168. О Н. И. Приваловой см.: *Зюзина П. В., Кузнецов А. А., Пудалов Б. М.* Н. И. Привалова: судьба провинциального историка в XX веке // *Привалова Н. И.* Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008. С. 3–24. О В. Т. Илларионове см.: *Берельковский И. В.* Виктор Трофимович Илларионов // *Записки краеведов. Горький*, 1983. С. 150–154.; *Колобов О. А., Кузнецов Е. В., Толстова Н. Н.* Я люблю мой истфак: Очерки. Нижний Новгород, 1996.

¹¹ Профессор Николай Петрович Соколов (1890–1979), специалист по средневековой истории Восточного Средиземноморья, считающийся наряду с С. И. Архангельским и В. Т. Илларионовым «отцом-основателем» исторических факультетов в Нижегородских гос- и педуниверситетах. Портрет Н. П. Соколова находится в той же мемориальной аудитории исторического факультета Нижегородского государственного университета, что и портреты С. В. Фрязинова, С. И. Архангельского и В. Т. Илларионова. О Н. П. Соколове см.: *Кузнецов Е. В., Меженин В. М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся ученые. Горький, 1988. С. 126–136.

¹² В опубликованных страницах из Дневников профессора А. Н. Савина имя С. В. Фрязинова не встречается. См.: *Савин А. Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. // *Записки отдела рукописей / Рос. гос. б-ка. М.*, 2004. Вып. 52. С. 179–256.

¹³ См. копию Трудового списка Фрязинова: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 30.

¹⁴ Сведения представлены П. П. Резепиным.

объединенной части, член библиотечной комиссии, зав. историческим кабинетом 1920–1923»¹⁵.

Конфликтов с новой властью Фрязинов, видимо, не имел, но сохранил на случай предъявления своей лояльности власти важное удостоверение, представленное позднее в Калининский пединститут. Заведующая клубным кабинетом Пролеткульта М. Растопчина, член РКП(б), 1 октября 1925 г. свидетельствовала: «Как бывший член Костромского педагогического института и зав. Клубной секцией Губполитпросвета, настоящим удостоверяю, что Сергей Васильевич Фрязинов, состоя преподавателем ряда костромских учебных заведений, читал многочисленные лекции в рабочих и красноармейских аудиториях»¹⁶.

В Костроме Фрязинов увлекся изучением местной истории, что оказалось актуальным почти для всех губернских городов, где ещё сохранялись учёные архивные комиссии и рождались новые научные институты. Так, Костромское научное общество активизировало свою деятельность, приняв новых членов¹⁷. Фрязинову доверили публикацию архива дворян Волженских, приобретённого Обществом еще в 1914 г.

В Научной библиотеке Тверского госуниверситета счастливо сохранился экземпляр этой книги¹⁸, представленной Фрязиновым при поступлении на службу в местный педагогический институт. Имеется экземпляр книги в Нижнем Новгороде, в личном фонде Н. И. Приваловой¹⁹.

Первая научная публикация историка состоит из двух частей. Обширная вступительная статья на основе семейного архива представляла дворянский род Волженских, состав семьи в течение нескольких поколений, способы приобретения земельных владений. Историк обращал внимание читателей на то, как отстаивали и приумножали дворяне своё достоинство, как несли государственную службу, платили налоги, как жили в семейном кругу, вели хозяйство и боролись за рабочие руки в тяжёлые годы хозяйственного кризиса, повлиявшего на культурный уровень помещиков и их крестьян. Локальное исследование Фрязинова, находящееся в дореволюционной традиции российской генеалогической науки с её вниманием к семейным архивам русской аристократии, дополняло и корректировало

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 17.

¹⁶ Оригинал был приложен к документам при устройстве на службу в Калининский пединститут в январе 1933 г. См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 6.

¹⁷ См.: Флейман Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917–1930 гг. // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 1. URL: http://moscva.cv.ua/text/html/kos_zem/vyp_1/soderzh.html. Дата обращения: 12.08.2010.

¹⁸ См.: Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде / Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1919. Вып. XIII. Второй исторический сборник. 326 с.

¹⁹ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 370. Этот подарок можно объяснить тем, что Н. И. Привалова, исследуя персональный состав Ополчения 1611–1612 гг., открыла и ввела в научный оборот документ, связанный с суздальским поместьем Василия Вакулина Волженского в 1690 г.

общие работы, в частности «Замосковский край XVII века» Ю. В. Готье.

Вторая часть книги Фрязинова – публикация документов (чуть больше сотни), распределённых по разделам: материальное положение Волженских, пожалования Волженских, о службе, данные о движении населения, сведения о сельском хозяйстве, культурный уровень помещиков, духовенства, крестьянства. По словам рецензента А. Андреева, С. В. Фрязинов не оставил без пояснений ни одного документа, охарактеризовав хозяйство московских служилых людей с XVII в.²⁰

Выполненной работой С. В. Фрязинов гордился не без основания. «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» – замечательный образец кропотливого источниковедческого анализа, освоенного в школе Московского университета.

Однако в родном городе историк оставался недолго. Много позднее в письме к коллеге С. И. Архангельскому он объяснял причины отъезда: «С “упразднением” истории М. Н. Покровским и ликвидацией института в Костроме осенью 1923 г. переехал на жительство в Москву»²¹. Здесь он приобрёл постоянное жильё на Садово-Кудринской улице, д. 24, кв. 10, где и был прописан до конца дней. В Москве с ним жили мать и брат, отец скончался ещё в Костроме. Собственная семейная жизнь, видимо, не сложилась, его брак был недолгим, потомков не осталось.

Оказавшись в Москве, историк включился в новые события жизни. В 1920-е гг. историческое образование в советской России претерпело коренные изменения. В Московском университете вместо историко-филологического факультета с 1919 г. действовал факультет общественных наук (ФОН), готовивший преподавателей обществоведения. В 1925 г. его преобразовали в факультеты советского права и этнологический, где изучение истории было крайне ограничено. Найти место в системе высшей школы оказалось для Фрязинова затруднительно. К тому же его учитель А. Н. Савин неожиданно скончался в январе 1923 г.

В Москве историк, по его собственным словам, «работал в качестве как научно-литературного работника (сотрудника Советской энциклопедии и педагогических журналов и сборников), так и педагога-практика (до начала 1931 г. – в техникуме, на спецкурсах, в школе II ст. и др.) и работника по повышению квалификации педагогов (с 1931 г. – районный лаборант по обществоведению, лектор курсов по подготовке слушателей райкомвуза к преподаванию обществоведения во II ст., лектор районного филиала городского вечернего педтехникума)»²².

Служба в школе была напряжённой, о чём может поведать официальная справка, выданная 14.07.1930 г.: «... тов. Фрязинову С. В. в том, что

²⁰ Андреев А. Рец. на кн. «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» // Дела и дни. Петроград, 1921. С. 236–237.

²¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8.

²² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 1.

он, состоя на службе в школе 35 в качестве преподавателя обществоведения, несёт большую общественную нагрузку: состоя руководителем историко-географического кружка семилетки, руководителем политкружка Спецкурсов; работает в школьной библиотеке; прикреплен и работает в школьном форпосте пионеров; состоит членом президиума школьного совета; членом ревизионной комиссии месткома. Работает в ударной группе «На работе с деревней» в колхозе Митино. Выступает с докладами и лекциями на подшефном производстве и на всех революционных празднествах и кампаниях в школе. Кроме того, проводит работу по учёту соцсоревнования среди уч-ся школы»²³. Данный текст интересен набором общественных нагрузок советского школьного учителя-некоммуниста.

Работа с учениками действительно радовала Фрязинова, и выполнял он её умело²⁴. Обратим внимание на его статью, опубликованную в 1934 г. в журнале «История в средней школе». Номер журнала был полностью посвящён реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в средней школе». Статья С. В. Фрязинова, написанная совместно с сотрудником музея Павловым, называлась «Из области методики исторической экскурсии»²⁵. Экскурсионная работа в советской школе в 1920-е гг. велась активно²⁶, сформировались определённые методические приемы. Фрязинов, применяя их, давал практические советы по организации и проведению учителем экскурсии в музее, по местам революционных событий, рекомендовал учитывать возраст, знания, настрой школьников.

Курсы истории в ту пору преподавались в школах не систематично, лишь отдельные сюжеты из европейской истории интересовали чиновников от образования. Фрязинов, учитывая эти обстоятельства, выпустил ряд методических публикаций: «К проработке материала по всеобщей истории в восьмых группах школы II ст.», «К проработке тем по истории феодализма и промышленного капитализма на Западе», «Что читать по истории классовой борьбы преподавателю ФЗС», «К проработке тем по истории Запада в средней школе». Журнал-учебник «Юный большевик» опубликовал его статьи о промышленном перевороте и чартистском движении в Англии. Обращает на себя внимание лексика педагога: ученики не изучали материал под его руководством, а прорабатывали. Слова «работа», «рабочий», «работать» – ключевые для того времени.

Преподавательскую деятельность Сергей Васильевич совмещал с

²³ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 5

²⁴ О работе со школьниками Фрязинов написал заметку «Впечатления от первого опыта» (перепись торговых и промышленных предприятий г. Москвы силами учащихся по заданию Госплана в 35 shk. Сокольнического района) в журнал «Вестник просвещения» (1924. № 4–6).

²⁵ Фрязинов С., Павлов Л. Из области методики исторической экскурсии // История в средней школе. 1934. № 4. С. 100–106.

²⁶ К примеру, об экскурсиях писал коллега Фрязинова по пединституту А. Н. Вершинский. См.: Дальние экскурсии по Тверской губернии. 1928.

сотрудничеством в Большой и Малой советских энциклопедиях²⁷ и педагогических журналах. В 1931 г. его зачислили рецензентом в Критико-библиографический институт (прежде Институт рекомендательной библиографии). Это учреждение находилось в системе ОГИЗа, но контролировалось Наркомпросом и выполняло задачи оценки идеологического качества книжной продукции. У историка появилась возможность планировать свою исследовательскую работу и зарабатывать, публикуя рецензии и аннотации на вновь выходящие исторические издания. Эти работы мы рассмотрим ниже.

Научные занятия Фрязинова в те годы связаны с деятельностью Института истории РАНИОН, находившегося под началом академика Д. М. Петрушевского. В нём работали молодые аспиранты А. И. Неусыхин, Б. Ф. Поршнева и опытные историки, ровесники Фрязинова и тоже ученики А. Н. Савина, – Е. А. Косминский, В. М. Лавровский, С. Д. Сказкин, составившие «костяк» будущей советской медиевистики²⁸. В Институте истории передавались опыт и знания от прежней российской научной школы, шло интеллектуальное общение со сверстниками, обсуждались актуальные научные проблемы²⁹, в том числе история Французской революции.

На заседаниях Института истории РАНИОН (даты нам неизвестны) С. В. Фрязинов прочитал доклады «Влияние Парижской коммуны на исторические взгляды Тэна» (объём 7 п. л.)³⁰, «Из начальной истории духовного развития И. Тэна» (объём примерно 1,5 п. л.) и подготовил их к печати.

Знания, полученные в семинарах А. Н. Савина, и участие в работе Института истории позволили Фрязинову написать научно-популярный очерк «Великая французская революция», изданный в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции. Книга не претендовала на научную оригинальность построений или выводов и не основана на широком самостоятельном изучении источников, как признавался автор в предисловии³¹. Фрязинов видел свою задачу в том, чтобы «дать по возможности доброкачественный и живой общий очерк революции для широкого читателя». Он был убеждён, что знание событий Французской революции необходимо русскому читателю, потому что, «борясь с тёмными сторонами прошлого, рабочий класс не может, не должен забывать об этом прошлом, наследником которого он является, и в котором есть немало увлекательных, захватывающих

²⁷ Статьи исторического содержания за подписью С. В. Фрязинова можно прочитать в электронных изданиях энциклопедических словарей.

²⁸ См.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики, 1917–1966. Л., 1968. С. 42–45.

²⁹ О работе Института истории см.: Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923. М., 1926. Вып. 1. Имя С. В. Фрязинова в этом сборнике не встречаем, но в его личных документах ссылки на указанные доклады имеются.

³⁰ Машинописная копия доклада «К вопросу о влиянии Парижской коммуны на Ипполита Тэна» (объём 52 с.), датированная 1933 г., сохранилась. См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 382.

³¹ *Фрязинов С.* Великая французская революция: Научно-популярный очерк. М., 1927. Экземпляр книги был подарен автором библиотеке Калининского пединститута.

страниц». Сравнение Французской и Русской революций не было открытием Фрязинова, книга соответствовала духу того времени и была допущена Государственным учёным советом (ГУС) Наркомпроса для библиотек школ и взрослых, что, кстати, послужило одним из оснований для присвоения автору степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.

В 1939 г. у Фрязинова появилась ещё одна возможность высказаться публично об уроках Французской революции. К её 150-летию популярный иллюстрированный «Исторический журнал», посвящённый вопросам гражданской истории, опубликовал цикл статей. Авторами стали известные историки-марксисты А. Молок, Ф. Хейфиц и др.³² Фрязинов написал большую и хорошо иллюстрированную статью о якобинской диктатуре, излагая ход событий 1793–1794 гг. Хотя статья имела ссылки на сочинения В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, однако марксистская методология просматривалась в ней слабо, кроме несколько абзацев в конце статьи. К примеру, «марксизм-ленинизм видит подлинную причину поражения якобинцев в классовой ограниченности буржуазной революции. Якобинцы выполняли историческую миссию самого передового отряда буржуазной революции» и т. д. Современный историк мог бы увидеть в них определённую идеологическую направленность автора статьи. На самом же деле концовка статьи принадлежала редактору, о чём позднее Фрязинов сообщил в письме В. Т. Илларионову. По его словам, «несколько десятков строк в конце её представляет собой публицистическое дополнение, внесённое редакцией журнала без ведома автора»³³. Не надо пояснять, что для 1939 г. редакторская правка была необходима, она текстуально совпала с указаниями Сталина по конспекту учебника Новой истории. Фрязинов же с этим «публицистическим» дополнением явно был не согласен, и ему было небезразлично мнение коллег об уровне его научной продукции.

Как мы уже упоминали, С. В. Фрязинов продолжил тему своей магистерской диссертации в 1930-е гг. В тексте, датированном 1933 г., объяснялась мотивация нового обращения к творчеству Ипполита Тэна: «Драма нашей русской революции имеет целый ряд точек соприкосновения с историей Парижской коммуны, и вопрос о Коммуне и Тэне невольно напрашивается на сопоставление с вопросом гораздо более актуальным, особенно для первых лет нашей революции, о влиянии Октября на мировоззрение нашей интеллигенции»³⁴.

В начале 1940-х гг. историк подготовил текст диссертации, предпо-

³² Позднее журнальные статьи составили большой академический труд. См.: Французская революция 1789–1794 гг. 1941. Фрязинов написал разделы: Якобинский блок (осенью 1793 г.); Борьба вокруг «дехристианизации»; Обострение борьбы между эбертистами и робеспьеристами по вопросам максимума, системы террора, внешней политики; Распад якобинского блока. Падение эбертистов и дантонистов.

³³ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 6 об.

³⁴ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 382.

лагая защитить её как докторскую³⁵. Научную значимость темы теперь он видел в следующем: «... автор решил взяться за изучение Тэна, так сказать, в самом себе, сделать попытку выяснить связь между ранними работами Тэна и его “Происхождением знаменитой Франции”, приняв во внимание и изданную в четырёх томах в 1902–1907 гг. переписку Тэна»³⁶. Диссертацию «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (465 страниц) Фрязинов подготовил к 1946 г., но до защиты дело не дошло.

Вернёмся к началу 1930-х гг. Не найдя места в вузах Москвы, Фрязинов стал искать преподавательскую должность в ближайшей провинции. По рекомендации старых знакомых по Костроме профессоров П. Н. Груздева и М. Г. Кадека, служивших в Наркомпросе и сообщавших ему о вакансиях, он обратился в феврале 1933 г. с заявлением на имя директора Калининского пединститута³⁷. В Твери (переименованной в город Калинин в ноябре 1931 г.) Фрязинов проработал с февраля 1933 по сентябрь 1938 г.

Калининский пединститут был открыт ещё по решению Временного правительства, но собственными кадрами обзавестись не успел, поэтому для чтения лекций часто приглашались профессора из Москвы. Первым профессором-всеобщником был Н. И. Радциг, читавший в Твери лекции с 1919 г.³⁸ Приезжали в 1920-е гг. и будущие известные медиевисты С. Д. Сказкин и Н. П. Грацианский. С ними Фрязинов не раз встречался в Москве на заседаниях в Институте истории. После отъезда Сказкина в 1932 г. Фрязинов занял вакантное место преподавателя истории Запада.

Карьера в Калининске складывалась для него удачно: 27 марта 1934 г. он был утверждён в звании «доцента истории Запада», в сентябре 1935 г. представлен «к учёной степени кандидата наук, как лицо, имеющее научные труды, по своему содержанию и значению отвечающие требованиям оформления в учёной степени без защиты диссертации»³⁹. Правда, присудили ему учёную степень только 19 июня 1938 г., что было связано со смелой кадровой политикой Наркомпроса из-за многочисленных репрессий.

³⁵ Даты на рукописи нет. В 1949 г. Фрязинов сообщал Архангельскому: «... после войны (в 1946 г.) закончил давно начатую работу (21 печ. л.) – “Ипполит Тэн и Парижская коммуна”. Эта работа по историографии французской буржуазной революции конца XVIII в. дана мною теперь на просмотр некоторым специалистам для определения, в какой мере она может по теме и выполнению служить основой докторской диссертации» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8 об.).

³⁶ Рукопись С. В. Фрязинова «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (хранится в Архиве Музея Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) копирована студенткой исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Александрой Владимировной Поляковой. Её необходимо изучать обстоятельно.

³⁷ См.: ГАТО. Р-1213. Оп. 44. № 41. Л. 1. Заметим, что будущий академик Матвей Георгиевич Кадек в 1929–1931 гг. был директором пединститута в Твери и его рекомендация (она имеется в личном деле), несомненно, помогла Фрязинову.

³⁸ См.: Воробьева И. Г. Первый профессор-историк Тверского пединститута // Тверская жизнь. 2011. 2 марта.

³⁹ См. копии документов, направленные в квалификационную комиссию УПУ Наркомпроса РСФСР: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 29.

Как же складывались отношения Фрязинова с коллегами по кафедре? Как он ощущал себя в Калининском пединституте? Сведений об этом у нас мало, но делопроизводственные документы показывают, что на кафедре истории в те годы преподавали М. А. Розум, А. Н. Вершинский, В. Н. Тарасов, П. М. Травин, О. И. Бершадская, Д. И. Панкратов, Ф. М. Храмцов. Все они были почти ровесниками Фрязинова, двое имели университетское образование, но, пожалуй, лишь А. Н. Вершинский мог быть интересен Фрязинову в общении. Выпускник Петербургского университета, он преподавал в пединституте русскую историю и краеведение⁴⁰. Серьёзными научными исследованиями по всеобщей истории в те годы в Калининском пединституте занимался только Фрязинов.

По имеющимся в архиве кафедральным документам⁴¹ установлено, что в разные годы доцент Фрязинов читал курсы по истории доклассового общества и Древнего Востока, истории Средних веков, проводил практические занятия. На заседаниях кафедры истории он выступал с обсуждением новых вузовских учебных программ, ему поручали ознакомиться с опытом проведения практических занятий в московских вузах. Фрязинов руководил студенческим кружком, читал лекции учителям Калинина и области, выезжал в отдалённые города, в частности в Великие Луки. В кафедральном отчёте за 1936 г. указано, что всего членами кафедры истории (6 человек) прочитано для учителей 38 лекций, из них Фрязиновым – 21⁴². Выступал он с докладами и на заседаниях кафедры. Так, в 1936/37 уч. году было прочитано сообщение «Происхождение египетского государства»⁴³.

В порядке связи с учреждениями Москвы Фрязинов вёл переговоры с рядом московских профессоров относительно приглашения их в Калинин для чтения лекций на исторические темы. В результате состоялись лекции проф. В. М. Лавровского «Англия XVI–XVII веков» и проф. В. К. Никольского по истории доклассового общества⁴⁴.

О лекторской работе Фрязинова тех лет имеется интересное свидетельство. Так, на одном из заседаний кафедры студентка Климова говорила, что «лекции бывают или насыщенные содержанием и обоснованы методически (пример лекции Фрязинова, который как никто использует наглядные пособия и обычно связывает материал с современностью), или с трудом записываемые, не выделяющие основных вопросов и мало иллюстрированные»⁴⁵. Выступившая студентка рекомендовала преподавателям «придерживаться метода т. Фрязинова».

⁴⁰ См.: Профессор Анатолий Николаевич Вершинский. Дневник. Воспоминания / предисл. И. Г. Воробьёвой. Тверь, 2005; Воробьёва И. Г. История издания журнала «Тверская старина» // Воробьёва И. Г. Славяно-Россика. Тверь, 2008. С. 366–376.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13; Д. 16.

⁴² Там же. Д. 16. Л. 14.

⁴³ Там же. Л. 5.

⁴⁴ Там же. Д. 16. Л. 5; Д. 13. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 370. Л. 178.

За годы преподавания в Калининской научной активности Фрязинова не ослабла. Как уже сказано, он продолжал тему «Ипполит Тэн и Парижская коммуна», писал статьи для критико-библиографического журнала «Книга и пролетарская революция», вероятно, числясь в штате рецензентов.

Обратим внимание на его рецензию первого тома русского перевода «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо⁴⁶. Не имея собственных марксистских трудов по всемирной истории, советские издательства обратились к переизданию дореволюционных книг. Автор рецензии задавался вопросом: насколько же новое издание стоит на уровне современной исторической науки, как в методологическом отношении, так и в смысле объёма и ценности даваемого фактического материала? Отвечая на него обстоятельно и приводя множество аргументов, Фрязинов заключал: «... фактический материал рецензируемой книги может иметь известное значение, но методологически книга для советского читателя неприемлема, и необходимо, чтобы следующие тома её снабжались обстоятельными вводными статьями критического характера». Он приводил новые оценки ряда важных событий европейской истории. В частности, подробно оценивал континентальную блокаду времен Наполеона и, опираясь на книги Е. В. Тарле, Фрязинов недоумевал, почему редакция не обратила внимание читателей на новейшие исследования этого вопроса. Заметим, что недостатки издания 1937 г. были видны не только Фрязинову. Вскоре пришлось готовить второе издание, его редактором назначили недавно вернувшегося из ссылки Е. В. Тарле, который обещал, что все дефекты будут устранены.

Историю Франции XIX в. и её изложение русскими и французскими авторами Фрязинов знал хорошо, у него была возможность работы в библиотеках Москвы. В его деле есть копия Отношения, подписанного директором Калининского пединститута 22 октября 1934 г., в Институт Маркса–Энгельса – Ленина с просьбой «выдать проживающему в Москве доценту С. В. Фрязинову билет на право посещения читального зала Института, чтобы обеспечить тов. Фрязинову возможность ознакомления с иностранной литературой по его специальности (история Запада) и подготовки научных работ и лекционных курсов для студентов института»⁴⁷. Свои критические размышления о новых изданиях он публиковал в печати. Так, он писал о книге Е. В. Тарле «Жерминаль и прериаль», об издании О. Л. Вайнштейном избранных сочинений Огюстена Тьерри⁴⁸.

Опасаясь, что степень кандидата ему не присвоят без защиты, Фря-

⁴⁶ См.: Фрязинов С. Переиздание «Истории XIX века» // Книга и пролетарская революция. 1938а. № 1. С. 95–100. Примечательно, что в № 5–6 того же журнала на это издание была опубликована рецензия В. М. Хвостова, Р. А. Авербуха и С. В. Канна под броским заголовком «Ценное пособие по истории XIX в.».

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп.44. Д. 41. Л. 27.

⁴⁸ См.: Книга и пролетарская революция. 1938. № 5–6. С. 149–157. Заметка «Огюстен Тьерри и его сочинения» подписана инициалами С. Ф. Автор не называл её в списке трудов.

зинов приступил к исследованию новой проблемы – «Принцепс, аристократия и сенат в Древнем Риме времени Нерона», предполагая защитить её зимой 1938 г. в качестве диссертации. Учёную степень он вскоре получил, а подготовленное исследование оформилось в статью⁴⁹. Позднее в письме к С. И. Архангельскому Фрязинов так оценивал свои труды: «Общая тематика моих работ... пестра – но так уж складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных институтах, где в порядке “педагогической нагрузки” превращают преподавателя, за недостатком людей, в своеобразного “универсала”»⁵⁰.

В представленной для получения учёной степени характеристике читаем: «Доцент истории С. В. Фрязинов, преподаватель курса история Запада, проявил себя как опытный и знающий специалист преподаватель, сумевший передать систематизированные знания по истории студентам на высокой научно-выдержанной основе. Тов. Фрязинов имеет достаточно научных трудов, характеризующих его как научного работника, обладающего большой эрудицией и самостоятельностью в исторических исследованиях. Будучи историком Запада, т. Фрязинов хорошо знает иностранную литературу, связанную с тематикой его научной работы. Тов. Фрязинов безотказно выполняет общественную работу, поручаемую ему месткомом и кафедрой истории, выступая на различного рода собраниях и заседаниях с научными докладами; особенно ценна его работа с учительством»⁵¹. Эта характеристика составлялась профессором А. Н. Вершинским, коллегой и ровесником Фрязинова.

Но имелась в деле и другая характеристика: «Академическая подготовка хорошая, но преподавание методически бесхребетно, однако следует отметить большое стремление тов. Фрязинова овладеть методологией марксизма-ленинизма»⁵². Встретился и такой факт. В 1936/37 уч.г., обсуждая на заседании кафедры вопрос об «обеспечении читаемых на факультете курсов истории», завкафедрой указывал, что «отдельные вопросы давались не на достаточно высоком идейном уровне». Данные претензии предъявлялись преподавателям С. В. Фрязинову и В. Н. Тарасову. Им вменялось, что, давая студентам большой фактический материал, они не всегда «хорошо и исчерпывающе его обобщали, используя для этого высказывания классиков марксизма-ленинизма»⁵³, не уделяли должного внимания роли классовой борьбы. Указывалось, что Фрязинов «возникновение государств Древнего Востока объяснял географическими и природными условиями, а Тарасов отрицал наличие аппарата угнетения в древней Греции и Риме».

⁴⁹ Фрязинов С. В. Принцепс, аристократия и сенат в Риме времен Нерона // Уч. зап. исторического факультета Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2. С. 187–245.

⁵⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 5 об.

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 35.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Там же. Оп. 10. Д. 16. Л. 6.

Фрязинов стремился «исправиться» и в отчёте следующего учебного года (1937/38 уч. г.) писал: «В соответствии с задачей усиления общественно-политического воспитания студенчества мною обращалось при производстве испытаний внимание на ознакомление студентов с основными относящимися к читаемым курсам работами основоположников марксизма-ленинизма... Для повышения собственной квалификации в этой области (в дни работы марксистских кружков института я не бываю в Калинин) мною намечается в порядке индивидуального плана систематический просмотр первых 4–5 томов полного собрания сочинений Маркса и Энгельса с целью возможно более широкого извлечения из них и использования относящихся к читаемым курсам высказываний их – с тем, чтобы продолжить эту работу и в дальнейшем»⁵⁴.

Приведённый пассаж из отчёта преподавателя не есть отписка, Фрязинов действительно интересовался работами К. Маркса, в этом у него была потребность. К. Маркс и Ф. Энгельс не раз писали о Французской революции, и их суждения стоило знать русскому историку. Читая лекции по периоду так называемого первоначального капитала, преподаватель должен был знать основные идеи «Капитала», которые, заметим, объяснял студентам ещё его учитель А. Н. Савин⁵⁵. Рекомендовалась студентам-историкам и книга Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». Интересовала преподавателя провинциального вуза и работа его столичных коллег по публикации «Хронологических выписок» К. Маркса. Уместным «открытием» для советских историков стало издание работ Ф. Энгельса о древних германцах. Но принимал ли Фрязинов тезис о классовой борьбе как движущем факторе в истории?

Несомненно, Фрязинов был материалистом, и свои социологические построения он выстраивал на основе фактов экономической жизни, что заметно уже по его первой публикации. Как вузовский преподаватель он был убеждён, что «надлежащее изучение истории предполагает конкретное изображение прошлой жизни... а для этого необходимо общее знакомство не только с историей техники, но и историей материальной культуры в широком понимании»⁵⁶. Однако его понимание материалистического метода не очень-то гармонировало с тем, что предлагал марксизм-ленинизм.

Критические рецензии Фрязинова, делопроизводственные документы кафедры истории Калининского пединститута показывают, что в те годы его более всего заботила методика преподавания истории. К этим материалам следует отнестись с должным вниманием: ведь это было начало формирования советского вузовского исторического образования. Проана-

⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 10.

⁵⁵ Савин А. Н. История Европы XVI века. (Общий курс). Коллективное изложение лекций, читанных в университете и Высших Курсах в 1908/09 уч. году. Москва, 1908.

⁵⁶ Фрязинов С. О преподавании истории на исторических факультетах педвузов // Борьба классов. 1935. № 6. С. 125.

лизированные нами архивные и опубликованные документы расширяют корпус источников по истории советской науки, образ «востребованной временем истории»⁵⁷ корректируется.

Объявив в мае 1934 г. о преподавании гражданской истории в школе, советские чиновники в возглавляемом А. С. Бубновым Наркомпросе разработали ряд конкретных документов. В 1934/35 уч. г. были составлены и разосланы на места учебные планы и программы для исторических факультетов педагогических вузов.

Программы лекционных курсов составлялись и прежде. Так, ещё в 1930/31 уч. г. преподаватель Калининского пединститута будущий академик-медиевист С. Д. Сказкин был обязан представить программу курсов по истории Западной Европы в эпоху феодализма и раннего европейского капитализма. Но теперь государство впервые предлагало всем работать по единому стандарту. В дела Калининского пединститута вшита копия статьи некоего Л. Ефременко «Об основах перестройки учебных программ» (Народное образование. 1930. № 4). В ней осуждалась практика самостоятельной выработки преподавателями программ. При этом объяснялось, что профессура именно педагогических вузов до сих пор считает революционные воззрения большим пороком для научной квалификации, а консервативность возводит в добродетель и научную заслугу. Отсюда предлагались основные принципы программ, которые должны «конструироваться на основе диалектического материализма».

Проекты новых централизованных программ, авторы которых не указаны в экземплярах, хранящихся в делах пединститута⁵⁸, предлагалось обсудить в коллективах. На заседании кафедры истории (таково её название до 1939 г.) выступал и Фрязинов. Своё представление о новых учебных планах и программах (с учётом мнения коллег по кафедре) он предложил для публикации в журнале «Борьба классов»⁵⁹.

Какие достижения увидел преподаватель в сравнении с программами 1933/34 уч. г.? Увеличилось количество часов, был расширен объём программ, достигнута большая систематичность в группировке материала. Но критических замечаний оказалось больше. Фрязинов отмечал, что в новых программах «распределение часов производится чисто механически с целью подогнать их число на каждом курсе к требуемой общей сумме». Так, предлагалось на первом курсе изучать историю доклассового общества Востока и Греции, а также историю Средних веков, история же Рима переносилась на II курс, поэтому «принцип изложения событий в генетиче-

⁵⁷ Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Историческая наука в 20—30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28—53.

⁵⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 12. Л. 119—127.

⁵⁹ См.: Фрязинов С. О преподавании истории на исторических факультетах педвузов. Собственно, нам неизвестно, кому принадлежала инициатива такой публикации, но вспомним, что Фрязинов ещё в 1931 г. был зачислен рецензентом в Критико-библиографический институт.

ской и хронологической связи оказывался нарушенным»⁶⁰. «История народов СССР» обгоняла историю Запада: «О феодализме в России студенты услышат на лекциях раньше, чем о феодализме в Западной Европе». А историю ВКП(б) предлагалось изучать до того, как «студенты проработают углубленно материал по соответствующим разделам русской истории».

Фрязинов отмечал нецелесообразность изъятия из программ источниковедения как самостоятельного предмета; сведения по источниковедению, даваемые попутно, по его убеждению, приводят к «понижению уровня проработки источниковедческого материала». Хорошо зная школьный учебник, он подметил, что вузовские «программы менее углублены, чем программы средней школы, а, казалось бы, должно быть все наоборот». Обращал внимание Фрязинов и на скудость рекомендуемых списков литературы, которые не включали иностранные издания, а «литература, предназначенная для преподавателей, ничем не отличалась от литературы, рекомендуемой для студентов». Эти соображения были разумны и логичны.

Критические замечания Фрязинова касались и содержательной части программ. Он заметил упоминание в них частных, маловажных имён исторических деятелей (броунисты в Англии, папа Григорий IX) и отсутствие упоминаний Данте, Томаса Мора, Кампанеллы.

Важно, что автор рецензии не допускал идейной проработки, а искренне стремился к улучшению вузовского преподавания.

Вскоре выяснилось, что обсуждение программ для преподавателей не закончилось. 27 января 1936 г. появилось сообщение, что в Совнарком и ЦК ВКП(б) обсуждались «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой исторической школе Покровского»⁶¹. Вузам было дано указание уже не оценивать качество программ, а искать в них вредительство. В отчётах преподавателей кафедры истории Калининского пединститута мы обнаружили результаты такой проверки. Фрязинов, в отличие от коллег, сообщал в мае 1938 г.: «Программы, по которым велись курсы, я склонен считать удовлетворительными, и элементов вредительства в содержании программы мною не обнаружено, да и составлены программы лицами, пользующимися известным научным авторитетом и работающими до настоящего времени в московских вузах. Вопрос можно ставить лишь о внесении в программы Наркомпросом некоторых частичных дополнений»⁶². Что же предлагал Фрязинов? «Мне казалось бы целесообразным дать в курсе Средних веков некоторые сведения по истории Италии второй половины XVI и XVII вв. и включить в программу характеристику Фран-

⁶⁰ Фрязинов С. О преподавании истории на исторических факультетах педвузов. С. 125.

⁶¹ См.: Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48; Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) Брянск, 2005.

⁶² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 11.

ции в период правления Людовика XV и так наз. “просвещенного абсолютизма” в государствах Германии XVIII в.». И так, некоторая самостоятельность при выполнении решения Наркомпроса у кафедры всё же оставалась, но каждый шаг преподаватель был обязан согласовывать с начальством.

Для реализации постановлений партии и правительства нужны были марксистские учебники. Борьба вокруг их написания показала, что школьные и вузовские учебники истории становились важным инструментом идеологического воздействия власти, а издание – фактом появления новой марксистской концепции исторического процесса⁶³.

Советские медиевисты начали с выпуска учебников для школы, учитывая дореволюционный опыт П. Г. Виноградова, А. А. Васильева, Р. Ю. Виппера и, возможно, Д. И. Иловайского. Каким должен быть вузовский учебник, кажется, не знал никто. Прежде публиковали только курсы лекций профессоров, их-то и использовали авторы учебников, расширяя и дополняя за счёт событий, дат и имён школьные учебники. Каркасом учебников стала программа для исторических факультетов университетов и педвузов.

Первыми издали учебники для студентов по истории Древней Греции и Рима, позднее вышел учебник по Средневековью. С. В. Фрязинов принял активное участие в их обсуждении, опубликовав несколько рецензий. Так, если в первом издании учебника по истории Греции проф. В. С. Сергеева (1934 г.) он нашёл «грубые ошибки и искажения», то второе издание (1939 г.) больше удовлетворяло преподавателя Фрязинова, хотя он полагал, что «переработка не доведена до конца»⁶⁴. Высказывал он и критические суждения об учебнике В. С. Сергеева по истории Древнего Рима (1938 г.)⁶⁵. В целом же античники, по словам Фрязинова, преодолели влияние модернизаторов, и пособие В. С. Сергеева «отвечало задачам углубленного и серьёзного исторического образования».

Вузовский учебник по истории Средних веков (первый том – под редакцией А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна, второй – под редакцией С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна) тоже рецензировался Фрязиновым⁶⁶. Обе рецензии скорее похожи на труд научного редактора. Обладая поразительной фотографической памятью, Фрязинов, не прибегая к справочникам, указывал на неверное написание дат, имён собственных, названий географических объектов, именовании властных должностей и

⁶³ См.: Кондратьева Т. Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. 9. С. 73–79.

⁶⁴ Фрязинов С. Новое издание «Истории Древней Греции» // Книга и пролетарская революция. 1939. № 11. С. 83–86.

⁶⁵ Фрязинов С. Новая книга о жерминальском и прериальском восстаниях // Книга и пролетарская революция. 1938. № 5–6. С. 149–157.

⁶⁶ Фрязинов С. Новый учебник по истории средних веков // Книга и пролетарская революция. 1939. № 1. С. 78–84; Его же. Новый учебник по истории XVI – XVIII вв. // Книга и пролетарская революция. 1939. № 7–8. С. 74–76.

проч. Заметим, таких ошибок было много. Больше всего досталось тексту, написанному А. Д. Удальцовым. Так, на 17 страницах главы «Арабы» Фрязинов насчитал более 20 грубых ошибок и неточностей.

Но всё же не это важно в рецензиях вузовского преподавателя. Фрязинов полагал, что «в пособии, предназначенном для высшей школы, должен быть значительно усилен источниковедческий элемент». По его убеждению, «студент должен не только усваивать определённую сумму знаний, но и приобретать навыки самостоятельной работы над источниками». Он отметил, что авторы учебника «поступили правильно, снабдив его указателем литературы к отдельным главам», но «следовало дать ещё указания о важнейших источниках по каждому разделу курса с краткой характеристикой этих источников». Фрязинов вопрошал: почему в перечне литературы названа лишь одна работа академика Д. М. Петрушевского, почему нет указаний на работы академика А. Н. Веселовского, почему нет упоминаний о сонетах Петрарки, «Декамероне» Боккаччо?

Согласуясь с требованиями соответствующих документов партии и правительства, рецензент предлагал авторам учебника давать «биографический материал, свежий и колоритный, в марксистском освещении». По его мнению, первый том учебника «написан суховатым языком», относительно второго он заметил, что «изложение стало более живым».

Что касается необходимой оценки в применении авторами учебника марксистского метода, то Фрязинов не сомневается, что в «руках компетентных специалистов он, безусловно, даёт плодотворные результаты». Под марксистским методом понимался «углубленный социальный анализ исторических событий», который, по мнению Фрязинова, авторы первого тома учебника применяли при рассмотрении борьбы Карла Великого с саксами, причин неудачи Крестовых походов и других событий⁶⁷. Второй том давал гораздо больше возможностей для проведения социального анализа исторических событий: географические открытия, Реформация, Крестьянская война в Германии.

Как практикующий педагог, Фрязинов задумывался о возможности усвоения студентами обширного фактического материала и полагал, что авторы учебников должны делать его отбор. Он предлагал дополнять учебные пособия, особенно ориентированные на студентов-заочников, методическими указаниями, хронологическими таблицами, картами, планами проработки тем, иными словами, учебник должен иметь методическое сопровождение. В целом мы полагаем, что позитивные предложения Фрязинова были учтены авторами учебников, в рецензиях на последующие изда-

⁶⁷ Заметим, что, по мнению современных историков, именно в характеристике Крестовых походов разошлись взгляды петербургских и московских медиевистов. См.: *Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Scaedra mediæ ævi*. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008.

ния учебника не приведено столь значительное число ошибок⁶⁸.

Преподаватель Фрязинов любил своих учеников. В его отчётах о проведении экзаменов по древней истории можно прочитать детальнейшую характеристику ответов студентов и увидеть беспокойство за них. «Из слабых ответов студентов педагогического института некоторые принадлежали нацменам (студ. Тарба, Бамсахурдия, Джалиашвили), отстающим от группы отчасти в связи с довольно слабым знанием русского языка... Аккуратной была в педагогическом институте и явка студентов на испытания: только студентка Кельберер, находясь в здании института, не пошла держать экзамен, хотя, сколько можно судить по данным ранее производившегося коллоквиума, знала материал; с особого разрешения декана она явилась на экзамен 23 января, обнаружив познания отличные, так что становится очевидным, что несвоевременная явка её на испытание объяснялась просто излишней нервностью»⁶⁹. Для студентов Фрязинов привозил из Москвы учебники, покупал исторические книги. Сотрудники Научной библиотеки ТвГУ просмотрели по нашей просьбе Инвентарную книгу и составили список изданий, приобретённых Фрязиновым по счетам. Их оказалось больше сотни. Большинство книг имеются в наличии и сегодня.

Осенью 1938 г. С. В. Фрязинов неожиданно покинул Калинин. Неожиданно – для нас, ведь, судя по его отчётам конца мая, уходить из пединститута он не собирался. В октябре 1938 г. директор Калининского пединститута Захаров даже указал в справке, что С. В. Фрязинов уволился без согласия дирекции 1 сентября, чем поставил в затруднение институт в начале учебного года⁷⁰. Но у Фрязинова были какие-то личные мотивы, возможно, он получил вакантное место. На его место был принят по приказу профессор А. С. Башкиров (1885–1963), историк с трагичной судьбой⁷¹, а вскоре в пединститут вернулся Н. И. Радциг. Таким образом, начальство могло не беспокоиться: преподавание всеобщей истории усилилось профессорами.

В Москве Фрязинов был принят на работу в областной педагогический институт на должность доцента по истории Средних веков, одновременно он преподавал студентам заочного отделения Московского педагогического института им. В. И. Ленина⁷².

С началом Великой Отечественной войны Фрязинов оставался в городе, продолжая преподавание. В 1942 г. он – доцент Московского педагогического института иностранных языков, в 1943/44 академическом году

⁶⁸ См. рецензии А. П. Каждана и А. Д. Люблинской в сборнике: Средние века. М., 1955. Вып. 7.

⁶⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 1 об.

⁷⁰ Там же. Оп. 44. № 41. Л. 57.

⁷¹ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006. С. 231–236. Заметим, что А. А. Формозов не знал, что после ареста в 1935 г. А. С. Башкиров преподавал в Калинин с 1938 по 1948 г.

⁷² Этот период жизни историка нам известен не по официальным документам, а по письмам в Горький С. И. Архангельскому. См.: ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8–14.

читал историю раннего Средневековья и первого периода Новой истории в эвакуированном тогда на год под Москву Белорусском государственном университете. Кроме того, в Московском педагогическом институте иностранных языков Фрязинов читал курс по истории средневековой Испании, видимо, для студентов, специализировавшихся по изучению испанского языка. В эвакуированном в Подмосковье Белорусском университете С. В. Фрязинов читал лекции по новой истории из расчёта 100 лекционных часов (от Французской революции до Парижской коммуны). В годы войны С. В. Фрязинов написал статью (2,5 п. л.) о Жанне д'Арк и возглавляемом ею движении⁷³.

На военные годы пришлось знакомство Фрязинова с членом-корреспондентом АН СССР С. И. Архангельским, дружившим с Е. А. Косминским, В. М. Лавровским, и имевшим среди учителей, как и они, А. Н. Савина. Заядлый библиофил, который и по работе должен был интересоваться историческими книгами, Фрязинов, узнав о выходе перевода книги Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли» в июле 1941 г. в Горьком, каким-то образом нашёл возможность обратиться к «автору» издания Архангельскому с просьбой о высылке труда. Тот переправил книгу, и завязалась переписка.

В 1949 г. Фрязинов обратился к Архангельскому с просьбой помочь найти работу в вузах Горького без окончательного переселения туда. Свою просьбу он объяснял тем, что Московский педагогический институт иностранных языков переключился в преподавании истории на «новейшие времена (после Первой мировой войны)»⁷⁴. Для Фрязинова XIX в. был менее привлекателен, чем более ранние времена. Следует сказать, что С. И. Архангельский был первым деканом историко-филологического факультета, образованного в 1946 г. в Горьковском госуниверситете, и имел право формирования преподавательского состава. Он и посодействовал устройству Фрязинова на работу, приложил для этого немало усилий даже после того, как оставил пост декана в 1950 г.⁷⁵

В Горьковском университете С. В. Фрязинов преподавал с 1950 г. до начала 1959 г. Отметим интересное совпадение. Среди его новых коллег в своё время истории Французской революции уделял исследовательское внимание С. И. Архангельский. Недавно найдены упоминания его научно-популярных работ по этой теме в нижегородской периодике 1917–1918 гг.; кроме того, в 1929 г. студентам в качестве тем дипломных работ он предлагал сюжеты из истории Французской революции.

Режим работы Фрязинова был напряжённым: он приезжал на поезде в Горький, отчитывал массив лекций по новой истории Западной Европы

⁷³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8 об.

⁷⁴ Там же. Л. 7–7 об.

⁷⁵ Там же. Л. 11, 14 об., 15, 17, 17 об., 18, 20, 23.

или принимал зачёты и экзамены. Мог останавливаться у знакомых, а мог неприхотливо устроиться ночевать на диване в деканате. Фрязинов остался в студенческой памяти своеобразным чудаком-учёным типа жюльверновского исследователя, увлечённым своим делом⁷⁶.

Приведём несколько воспоминаний горьковчан о Фрязинове. «Сергей Васильевич Фрязинов – наш бессменный руководитель научной практики в Ленинграде, был человеком широчайшей эрудиции, потрясающей памяти и необыкновенной доброты. Как мы любили его, как близок был он нам, студентам! Именно под его влиянием я стала самостоятельно осваивать итальянский язык... Сергей Васильевич начал читать нам спецкурс “Итальянское Возрождение”... Сергей Васильевич читал интереснейшие курсы по средневековой Испании»⁷⁷. «Для тех, кто специализировался по Всеобщей истории, незабываем был Сергей Васильевич Фрязинов... Познаниями он обладал уникальными. Весь конспект лекции, который он приносил с собой в аудиторию, обычно умещался на крохотном клочке в четвертинку тетрадного листа, чтобы не отвлекаться от темы. Сергей Васильевич был частично парализован, говорил не очень внятно, но слушали его с огромным вниманием... Встретив его в московской библиотеке через много лет после окончания университета, я с удивлением обнаружил, что все основные сведения обо мне... и моих однокурсниках ему известны»⁷⁸.

По сути, сигналом к окончанию работы в Горьковском университете стала смерть С. И. Архангельского осенью 1958 г. Вот как описывал Фрязинов свой последний приезд в Горький в письме Н. И. Приваловой: «... в Горьком я был в последний раз, принимая экзамен в январе 1959 г. Находился я в Горьком всего три неполных дня...: потратил день опять до ночи на экзамен и консультацию, на третий день проводил экзамен с утра до вечера, а по окончании его отправился прямо из университета на вокзал (только поел немного)... Ни в весеннем, ни в осеннем полугодии 1959 г. я занятий в Горьковском университете не имел, видимо, и впредь иметь не буду – место моё замещено, да если бы мне с осени 1959 г. и предложили что-либо, пришлось бы отказаться, уж нельзя было выезжать при печальном состоянии здоровья моей матери... в Горьком вряд ли придется ещё побывать...»⁷⁹.

Осенью 1959 г. умерла мать Фрязинова. Он ремонтировал опустевшую квартиру, разбирал свою библиотеку, жил на пенсию и гонорары за публикации в энциклопедических изданиях, писал «мелочи» и рецензии

⁷⁶ Из устной беседы с учеником С. В. Фрязинова в Горьковском университете, руководителем Центра военной истории России Института российской истории РАН академиком Г. А. Куманевым.

⁷⁷ Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород, 2005. С. 3–4.

⁷⁸ Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород, 2006. Вып. 3. С. 12.

⁷⁹ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 6–6 об.

для Большой Советской и Исторической энциклопедий («маракую мелкие заметки», а это «небесполезно для кармана») ⁸⁰.

Научные занятия, в которых появилась новая тематика, Фрязинов не оставлял до конца жизни. Из письма Архангельскому от 17 июля 1949 г.: «В последнее время веду работу над “Очерками по истории средневековой Испании”»; пока это листах на 20 печатных – лишь значительно расширенное изложение лекционного курса, читанного мною в институте иностранных языков, находящееся в сугубо черновом виде; помышляю о привлечении источников (в Москве кое-что из них имеется) и дополнительной литературы, и тогда это, может быть, примет в большей степени “научнообразный” вид» ⁸¹. Рассматривая перспективу преподавания истории Испании, с 1945 г. Фрязинов стал учить испанский язык, пытаясь «овладеть им настолько, чтобы быть в состоянии читать историческую книгу на этом языке» ⁸².

Первые статьи Фрязинова по истории Испании, опубликованные в Ученых записках Горьковского университета, посвящены малоисследованным крестьянским движениям в Кастилии XV в. ⁸³. Высокую оценку этих исследований находим в работах известного испаниста И. С. Пичугиной и молодых учёных ⁸⁴. Она считает, что работы Фрязинова по социально-экономической, прежде всего аграрной, истории Астурии, Леона и Кастилии – существенный этап изучения средневековой Испании в советской историографии.

В 1964 г. С. В. Фрязинов писал коллегам в Горький по поводу возможного сведения испановедческих штудий в книгу: «Ведь и международное положение, и судьбы такого раздела исторической науки, как история Средних веков, сейчас темны, и гадания о будущем в этих сферах так же проблематичны, как предсказания Дельфийского оракула» ⁸⁵. Возможно, ещё одной причиной отказа от подготовки книги по истории средневековой Испании стало ухудшающееся самочувствие.

В 1970 г. почти 80-летний Сергей Васильевич тяжело травмировался, «разбился в библиотеке», упав с высоты при её описании. Судьба личной библиотеки определилась: около 7 000 книг по истории Западной Ев-

⁸⁰ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 3. Д. 202. Л. 5, 13; Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 15 об.

⁸¹ Там же. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 9.

⁸² Там же.

⁸³ См.: Фрязинов С. В. Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма // Ученые записки Горьковского государственного университета (далее – УЗ ГГУ. Горький, 1954). Вып. 26. С. 75–91; *Его же*. Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века (германдиносы и крестьянские гермаданды; движение в армии при Саморе и Торе // УЗ ГГУ. Горький, 1957. Вып. 43. С. 109–122.

⁸⁴ Пичугина И. С. Указ. соч.; Савенко Г. В. О состоянии и перспективах изучения отечественной наукой истории права Испании X–XV веков // Правоведение. 2005. № 2. С. 227–248; Квачёнок В. В. Историография средневековой Испании в работах советских медиевистов // URL: <http://nkras.forum24.ru/?1-11-0-00000006-000-0-0-1272450520>. Дата обращения: 23.08.2010.

⁸⁵ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 9 об.

ропы и России были переданы университетской библиотеке в Горький. Ещё 10 000 томов трофейных иностранных изданий стараниями Фрязинова было получено ею из резервных фондов московских библиотек⁸⁶. Таков был посмертный и бескорыстный дар историка Фрязинова Горьковскому университету.

Скончался Сергей Васильевич в Москве в 1971 г., отпевали его в православном храме, присутствующих на похоронах народу было так мало, что даже гроб несли женщины.

Осмысляя последний путь Историка на фоне его жизни и разносторонней научной и учебно-методической деятельности, вспоминаются горькие слова коллеги по ГГУ, почти ровесника Фрязинова Н. П. Соколова «... Сергей Васильевич родился не в свой век: ему бы в Париж XVII века, чтобы стать украшением монастыря Св. Мавра (монахи которого проявили себя как глоссаторы и публикаторы древних текстов – преимущественно латинских и греческих)»⁸⁷.

Список литературы:

1. *Андреев А.* Рец. на кн. «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» // Дела и дни. Петроград, 1921. С. 236–237.
2. *Артизов А. Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
3. *Берельковский И. В.* Виктор Трофимович Илларионов // Записки краеведов. Горький, 1983. С. 150–154.
4. *Блонин В. А., Молев Е. А.* Медиевистика // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006.
5. *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики, 1917–1966. Л., 1968.
6. *Воробьёва И. Г.* История издания журнала «Тверская старина» // Воробьёва И. Г. Славяно-Россика. Тверь, 2008.
7. *Воробьёва И. Г.* Как преподавали средние века в провинциальном вузе // Средние века. 2011. В печати.
8. *Герье В. И.* Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. № 5.
9. *Григорьева Е. А.* Новые источники по биографии С. В. Фрязинова // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII международной научной конференции. М., 2010.

⁸⁶ *Молев Е. А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. С. 17.

⁸⁷ *Кузнецов Е. В.* Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008. С. 83.

10. *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.) Брянск, 2005.
11. *Зюзина П. В., Кузнецов А. А., Пудалов Б. М.* Н. И. Привалова: судьба провинциального историка в XX веке // Привалова Н. И. Делопроеводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008. С. 3–24.
12. *Квачёнок В. В.* Историография средневековой Испании в работах советских медиевистов // URL: <http://nkras.forum24.ru/?1-11-0-00000006-000-0-0-1272450520>.
13. *Колобов О. А., Кузнецов Е. В., Толстова Н. Н.* Я люблю мой истфак: Очерки. Нижний Новгород, 1996.
14. *Кондратьева Т.* Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. 9.
15. *Кузнецов А. А.* С. И. Архангельский (1882–1952). Вехи научного пути // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / пер. с англ. С. И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009.
16. *Кузнецов Е. В., Меженин В. М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся ученые. Горький, 1988.
17. *Кузнецов Е. В.* Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008.
18. *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Cafedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008.
19. *Молев Е. А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006.
20. *Пичугина И. С.* С. В. Фрязинов – видный советский исследователь средневековой Испании (1893–1971) // Проблемы испанской истории. М., 1975.
21. *Пихоя Р. Г.* Востребованная временем история. Историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
22. *Резепин П. П.* Замечательные выпускники Костромской губернской гимназии // Костромская старина: историко-краеведческий журнал. Кострома, 2006. № 19.
23. *Савенко Г. В.* О состоянии и перспективах изучения отечественной наукой истории права Испании X–XV веков // Правоведение. 2005. № 2.
24. *Савин А. Н.* История Европы XVI века. (Общий курс). Коллективное изложение лекций, читанных в университете и Высших Курсах в 1908/9 уч. году. Москва, 1908.

25. *Савин А. Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. // Записки отдела рукописей / Рос. гос. б-ка. М., 2004. Вып. 52.
26. *Флейман Е. А.* Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917–1930 гг. // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 1 / URL: http://moscva.cv.ua/text/html/kos_zem/vyp_1/soderzh.html
27. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006.
28. *Фрязинов С.* Великая французская революция: Научно-популярный очерк. М., 1927.
29. *Фрязинов С., Павлов Л.* Из области методики исторической экскурсии // История в средней школе. 1934. № 4.
30. *Фрязинов С.* О преподавании истории на исторических факультетах педвузов // Борьба классов. 1935. № 6.
31. *Фрязинов С.* Переиздание «Истории XIX века» // Книга и пролетарская революция. 1938. № 1.
32. *Фрязинов С.* Новая книга о жерминальском и прериальском восстаниях // Книга и пролетарская революция. 1938. № 5–6.
33. *Фрязинов С.* Новое учебное пособие по истории древнего Рима // Книга и пролетарская революция. 1938. № 10–11.
34. *Фрязинов С.* Новый учебник по истории средних веков // Книга и пролетарская революция. 1939. № 1.
35. *Фрязинов С.* Новый учебник по истории XVI – XVIII вв. // Книга и пролетарская революция. 1939. № 7–8.
36. *Фрязинов С.* Новое издание «Истории Древней Греции» // Книга и пролетарская революция. 1939. № 11.
37. *Фрязинов С. В.* Принцепс, аристократия и сенат в Риме времен Нерона // Уч. зап. исторического факультета Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2.
38. *Фрязинов С. В.* Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма // Ученые записки Горьковского государственного университета. Вып. 26.
39. *Фрязинов С. В.* Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века (германдиносы и крестьянские гермадансы; движение в армии при Саморе и Торе // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький. 1957. Вып. 43.

THE HISTORIAN AND TEACHER SERGEY VASILEVICH FRJAZINOV (1891–1971)

I. G. Vorob'eva¹, A. A. Kuznecov²

¹ The Tver State University, chair of general history, Tver

² The Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, chair of history of Russia, Nizhniy Novgorod.

The present article touches upon the historiographic context and background of biography of historian S. V. Frjazinov. Archival materials of Tver and Nizhni Novgorod, memoirs, letters of Frjazinov became the basic sources for studying of the biography of S. V. Frjazinov. In article S. V. Frjazinov's scientific formation at the Moscow university is shown, the basic directions of scientific search are considered. Data on S. V. Frjazinov's teaching activity in Kostroma, Kalinin (Tver), Moscow and Gorky (Nizhni Novgorod) are resulted. Authors of article have come to a conclusion that the above scientific heritage by S. V. Frjazinov plays a role of the utmost in modern history and is still of current interest.

Keywords: *S. V. Frjazinov, Moscow university, A. N. Savin, Kalinin (Tver), Gorky (Nizhni Novgorod), French revolution, history of medieval Spain, historian, biography.*

Об авторах:

ВОРОБЬЁВА Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета.

E-mail: dubrovnik@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета.

E-mail: nalbuz@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2010